

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 97–106.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2022; 2 (75): 97–106.

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09«18»
DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.010

Молитва в лирике Ф. И. Тютчева

Анна Леонидовна Калашникова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
anna.kalashnikova.42@gmail.com

Аннотация. Изучение духовных основ русской лирики XIX века представляет собой актуальную проблему современного отечественного литературоведения. В статье рассматриваются особенности воплощения молитвенной проблематики в художественном мире Ф. И. Тютчева. Отношение поэта к сакральному слову не является однозначным на протяжении всего творческого пути, однако молитвенная тема и молитвенное событие неоднократно оказываются объектами авторской рефлексии. Варианты модификации охранного слова формируют устойчивые мотивные комплексы в контексте пародийной, философской, любовной и историософской лирики. В раннем пародийном переложении великопостной молитвы Ефрема Сирина впервые вербализуется отказ от произнесения святых слов, кощунственно названных праздными. Проблема целесообразности сакрального слова оказывается актуальной как для ранней, так и для зрелой лирики Тютчева, воплотившись позднее в мотиве произнесенной, безмолвной молитвы. Философская лирика выводит на первый план проблему существующего в сознании современного человека кризиса веры, отсутствие которой делает обращение к Богу бессмысленным. В любовной лирике женский образ концентрирует в себе чуждую лирическому герою способность «страдать, молиться, верить и любить», а утрата возлюбленной становится катализатором молитвенного поступка. В историософских стихотворениях молитвенное событие выступает как маркер праведности или греховности исторического лица, а также служит средством достижения единства нации в ситуации всеобщей соборной молитвы русского народа. Полученные результаты могут применяться в процессе изучения лирики Тютчева на уроках литературы в школе, а также при разработке курсов по русской поэзии в рамках программ бакалавриата и магистратуры, имеющих филологическую направленность.

Ключевые слова: любовная лирика, пародийная поэзия, религиозные мотивы поэзии XIX века, стихотворная молитва, Ф. И. Тютчев, философская лирика.

Для цитирования: Калашникова А. Л. Молитва в лирике Ф. И. Тютчева // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 97–106. DOI: [10.37724/RSU.2022.75.2.010](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.010).

Original article

Prayer in F. I. Tyutchev's Poetry

Anna L. Kalashnikova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
anna.kalashnikova.42@gmail.com

Abstract. The investigation of the spiritual foundation of Russian poetry of the 19th century is a relevant issue of modern literary studies. The article investigates the motif of prayer in F. I. Tyutchev's poetry. The poet's attitude to the sacred word is never unanimous, but the motif of prayer is often present in his philosophical, romantic, historical, and parody poems. In his early poems, F. I. Tyutchev referring to the prayer of Saint Ephrem, verbalizes his unwillingness to say sacred words "in vain". The leitmotiv of holy prayer runs throughout Tyutchev's early and late poetry and is represented in motif of silent prayer. Tyutchev's philosophical poems highlight the issue of the crisis of belief, whose absence makes one's appeal to God meaningless. His romantic poems focus on the lyrical speaker's inability to suffer, pray, trust and love and the loss of a loved one serves as an incentive to pray. In his historiosophical poems, prayer serves as a marker of human righteousness or sinfulness and as a means to unite Russian people in common prayer. The results of the investigation can be used by literature teachers discussing Tyutchev's poems. It can also be used to discuss Russian poetry in philological universities.

Keywords: love lyrics, parody poetry, religious motifs of poetry of the 19th century, poetic prayer, F. I. Tyutchev, philosophical lyrics.

For citation: Kalashnikova A. L. Prayer in F. I. Tyutchev's Poetry. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 2 (75):97–106. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.010.

Введение

Изучение феномена молитвы в художественном мире Ф. И. Тютчева невозможно без обращения к христианским основам творчества поэта. Вопрос о взаимосвязи тютчевской лирики и русской православной традиции представляет собой не до конца разрешенную проблему в современном литературоведении. Отчасти это обусловлено неоднозначным отношением самого поэта к сфере религиозных верований и таинств [Пигарев, 1962, с. 25–32]. Биографы Тютчева и исследователи его творчества нередко выражают диаметрально противоположные оценки степени религиозности поэта. Так, Н. Я. Берковский отмечает, что Тютчеву принадлежат «стихотворения, почти саркастические в том, что относится к религии и к церковности» [Берковский, 1985, с. 171], по мысли же М. М. Дунаева душевные устремления поэта выражены вполне определенно: «Душа готова, как Мария / К ногам Христа навек прильнуть» [Дунаев, 2006, с. 80]. Б. Н. Тарасов указывает, что поэт «постоянно пребывал на пороге «двойного бытия», на грани веры и безверия, скорее, у церковной ограды, нежели в ней», но ощущение поэтом «несчастия человека без Бога» и определенность вектора «движения к освобождению от противоречий и обретению чаемого единства» совершенно очевидны [Тарасов, 2005, с. 18]. Несмотря на то, что религиозные основы тютчевского творчества активно изучаются в связи с неослабевающим в последние три десятилетия интересом к христианским корням русской словесности [Аношкина-Касаткина, 2011 ; Тарасов, 2015 и др.], нельзя не согласиться с утверждением В. Н. Захарова, что как христианский поэт Тютчев до сих пор не прочитан [Захаров, 1994, с. 8].

Современные исследования русской стихотворной молитвы затрагивают в том числе и ряд стихотворений Ф. И. Тютчева. Так, О. А. Перевалова, изучающая поэтику лирической молитвы, анализирует ироническое переосмысление жанровой модели в стихотворении «Когда дряхлеющие силы...» [Перевалова, 2012, с. 463–464]. Глубокое исследование своеобразия тютчевской стихотворной молитвы представлено в трудах Э. М. Афанасьевой [Афанасьева, 2001, 2005, 2021], которая обращает внимание на важную особенность онтологического статуса молитвы в лирике поэта: в молитвенных просьбах у тютчевского героя нет установки на покаянное самоочищение, а сакральное слово «оказывается ценным не столько своим наполнением, сколько своим наличием, присутствием в мире» [Афанасьева, 2021, с. 224].

Как представляется, своеобразие воплощения молитвенной проблематики в творчестве Тютчева требует изучения во взаимосвязи с основными мотивно-тематическими комплексами его поэзии. В качестве одной их характерных особенностей организации художественного мира Тютчева Ю. И. Левин называет наличие инвариантного сюжета «жажды преображения» [Левин, 1990, с. 144]. О. В. Зырянов, развивая понятие тютчевского метасюжета, делает заключение, что он «содержит существенные моменты *христианской антропологии*» (выделено в оригинале. — А. К.) [Зырянов, 2007, с. 133]. Несомненна органическая связь «метасюжета» преображения с молитвенной проблематикой, поскольку ситуация ритуального богообщения предполагает трансцендирование души, становящееся источником мотива душевного парения в русской поэтической традиции [Косяков, 2020].

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей функционирования молитвенного слова в художественном мире Ф. И. Тютчева и его роли в пародийной, философской, любовной и историософской лирике.

Основная часть

В художественном мире Тютчева молитвенное слово осмысляется неоднозначно. Э. М. Афанасьева выделяет в лирике поэта два знаковых стихотворения, отражающих противоположные концепции молитвенного слова: от пародийно переосмысленного («Не дай нам духу празднословья...», 1820-е годы) до переложения, близкого к исходному тексту великопостного светильна («Чертог Твой, Спаситель, я вижу украшен...» (1872(3?)) [Афанасьева, 2021, с. 196]. Сохраняющийся на протяжении всего творческого пути интерес к сущности молитвы и свойствам сакрального слова указывает на высокую значимость этой темы в художественном мире Ф. И. Тютчева. В то же время нельзя говорить о последовательной эволюции темы молитвы от шуточно-кощунственных текстов до переложений, близких оригиналу и свидетельствующих о смиренном восприятии благодатного значения святого слова. На протяжении всего творческого пути поэта роль молитвы в жизни человека многократно переосмыляется. Анализ всего корпуса произведений Тютчева показывает, что молитвенная проблематика в лирике поэта обретает наиболее устойчивые связи с темами веры и любви, а также представлена в политических стихотворениях, проявляясь как на мотивном уровне, так и в виде жанровой модели. В рамках каждой из указанных тем варьируется значение молитвы в мире и в судьбе лирического героя и по-разному осмысляется целесообразность или нецелесообразность произнесения сакрального слова.

Первым обращением поэта к молитвенной теме стало стихотворение «Не дай нам духу празднословья!», датируемое началом 1820-х годов. Очевиден иронический характер этого раннего произведения, пародирующего великопостную молитву Ефрема Сирина: молитва оценивается как слово праздное и необязательное к произнесению. Такое кощунственное восприятие сакрального текста противоречит христианскому истолкованию молитвы как возможности богообщения, ироническому искажению подвергается и сама молитвенная ситуация: моделируется «светский» характер взаимоотношений с Творцом, в котором выполнение сторонами «условий» договора приводит к абсолютной независимости человека от божественной воли: «Ты в силу нашего условия / Молитв не требуй от меня» [Тютчев, 2002, т. 1, с. 35]. Контекстуально близким оказывается другое стихотворение начала 1820-х годов — «Противникам вина», в котором пьянство библейского Ноя оценивается как залог достижения святости: «Так станем же запоем / Из набожности пить, / Чтоб в божье вместе с Ноем / Святилище вступить» [Там же, с. 36]. Пародийное переосмысление молитвенных текстов и смысла Священной истории в данном случае является, по-видимому, следствием воздействия культурной атмосферы, царившей среди студентов Московского университета, который поэт окончил в 1821 году [Пигарев, 1962, с. 25].

Примечательно, что ироническая интерпретация молитвенного слова осуществляется и в зрелой лирике Ф. И. Тютчева. В 1870 году он пишет стихотворение:

Давно известная всем дура —
Неугомонная цензура
Кой-как питает нашу плоть —
Благослови ее господь!

[Тютчев, 2003, т. 2, с. 227]

В приведенном тексте объектом краткой молитвенной формулы «Благослови ее господь!» является цензура, и это делает тютчевское стихотворение единственным в своем роде. Молитвенный императив в данном случае актуализирует представление о дихотомии духа и плоти, характерное для христианской антропологической концепции, но молитва не становится способом отрешения от мира и приобщения души к божественному абсолюту, а наоборот — обращена к тому, что «питает нашу плоть». Понимание специфики молитвы о «дуре-цензуре» невозможно без обращения к тексту «Письма о цензуре в России», который Тютчев, занимавший в Министерстве иностранных дел должность старшего цензора, написал в 1857 году. В этом письме Тютчев указывает на необходимость отказа от практикуемых запретительных форм преследования различных изданий в пользу государственной поддержки печати, основанной на разумных нравственных началах. Цензура необходима, поскольку призвана защитить общество от разрушительных и предосудительных идей, но задача государства — построить диалог с прессой и сделать ее рупором

нравственных ценностей и гуманистических идеалов, не противоречащих основам российского политического строя. Примечательно, что в тексте тютчевского «Письма...» вопрос о цензуре связан именно с духовной деятельностью человека, а не с потребностями плоти: «Власти надо понять как весьма существенную задачу, что в условиях тяготящих нас непосильных трудностей правительство как таковое ничего не сможет сделать ни во внутренней, ни во внешней политике, ни для своего блага, ни для нашего без сокровенной связи с самой душой страны, без полного и повсеместного пробуждения всех ее нравственных и умственных сил, без их искреннего и единогодушного содействия общему делу» [Тютчев, 2003, т. 3, с. 207–208]. Известно, что письмо было читано самим государем, однако опубликовано лишь через 16 лет после написания — в 1873 году, о чем поэт рассуждает в письме к дочери Екатерине: «Не знаю, какое впечатление произвела эта статья в Москве, здесь она вызвала лишь раздражение, ибо здесь сейчас подготавливаются законы, диаметрально противоположные тем, о которых говорится в этой записке» [Там же, с. 497]. Здесь имеется в виду новый закон о печати (принят 16 июня 1873 года), вносивший дополнительные ограничения по отношению к периодическим изданиям [Тарасов, 2006, с. 259]. Таким образом, очевидно, что, несмотря на все надежды произвести хоть какие-то заметные перемены в отношениях печати, цензуры и власти не удалось, поэтому саркастический характер стихотворения вполне уместен. Молитвенная формула в данном случае усиливает антитезу телесного и духовного начал и подчеркивает иронический характер поэтического высказывания.

Другая тема, с которой связана молитвенная проблематика в лирике Тютчева — кризис веры. В стихотворениях «Я лютеран люблю богослуженье...», «Наш век», «Пошли, Господь, свою отраду...», «Бессонница (Ночной момент)» проблема целесообразности молитвы ставится в прямую зависимость от наличия религиозного чувства. В стихотворении «Я лютеран люблю богослуженье...» задается пороговая ситуация существования веры в мире: она покидает храм, который тут же обнажает свои голые стены и демонстрирует ничем не заполненную пустоту: «Сих голых стен, сей храмины пустой / Понятно мне высокое ученье» [Тютчев, 2002, т. 1, с. 156]. Окончательного исчезновения веры можно избежать только одним-единственным способом — молитвой, которая в стихотворении также осмысливается в пороговом, рубежном значении: «В последний раз вы молитесь теперь» [Там же].

В стихотворении «Наш век», как и в стихотворении «Я лютеран люблю богослуженье...», возникает образ двери, но если в первом произведении дверь еще не затворилась, то во втором она уже заперта: «Еще она не перешла порогу / Еще за ней не затворилась дверь...» [Тютчев, 2002, т. 1, с. 156] и «Не скажет век, с молитвой и слезой, / Как ни скорбит перед замкнутой дверью: / “Впусти меня! — Я верю, боже мой! / Приди на помощь моему неверью!..”» [Тютчев, 2003, т. 2, с. 40]. Человек дистанцируется от Бога, хотя жаждет веры и «сознает свою погибель», но оказывается неспособным к произнесению молитвы. Интересно, что в стихотворении появляется упоминание о «слезной молитве», концентрирующей в себе представления о покаянии и духовном очищении, которое коррелирует с мотивом жажды и противостоит иссушающему воздействию безверия (ср. «безверием палим и иссушен»). В христианской традиции божественные слова нередко получают метафорическое воплощение в образах влаги: «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:4). Очистительные слезы, сопровождающие молитву, могли бы утолить духовную жажду, но невозможность произнесения святых слов человеком упраздняет шанс на спасение. Во многом смысл стихотворения раскрывает цитата из Евангелия от Марка, связанная с его образной структурой. Отрок в Евангелии, исцеленный Христом, был одержим духом глухим и немым, что находит полное соответствие с образом человека, представленном в тютчевском стихотворении («не просит», «не скажет век»). Изгнание беса из отрока свершилось благодаря молитве Иисуса, который прямо говорит апостолам: «сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста». Особое значение имеет цитируемое в стихотворении слезное моление отца отрока: «И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24–29). Исцеление отрока в Евангелии сопровождается обретением веры вопреки неверию, но стихотворение демонстрирует неспособность человека верить, которая является следствием современного состояния общества. Временная дистанция, отделяющая евангельские времена от «нашего века», упраздняет возможность молитвы, веры, спасения и исцеления. Демоническое начало, представленное в стихотворении с помощью мотивов ропота и бунта против света, не может быть изгнано из современного «отрока» в силу невозможности произнесения молитвенного слова.

В стихотворении «Пошли, Господь, свою отраду...» представлена ситуация молитвы за человека, не способного к обретению благодати на своем жизненном пути. Отрада недоступна для «бедного нищего» вовсе не из-за наличия границы (ограды) между ним и миром прекрасного сада,

а потому, что райские видения созерцаются изображаемым субъектом «вскользь». Как отмечает Э. М. Афанасьева, молитвенное обращение в данном случае проецируется на жизненную сферу того, в «поле зрения “которого” не входят ни молитвенное событие, ни молитвенный поступок, ни молитвенная перспектива» [Афанасьева, 2021, с. 208]. Полностью согласившись с процитированным утверждением, отметим, что отсутствие духовных устремлений в данном случае, как и богоборческая позиция человека в стихотворении «Наш век», порождает, тем не менее, появление мотива невысказанного молитвенного слова, которое входит в кругозор автора, но не изображенных субъектов. Мотив произнесенной молитвы органичен для автора в стихотворении “Silentium!” — декларации молчания, гениально воплощенной в слове [Калашникова, 2012]. Представленный в раннем творчестве поэта отказ от произнесения молитвы в более поздних стихотворениях оборачивается уникальным «внесловесным» существованием молитвы в художественном мире поэта.

Предельного трагизма достигает молитвенная тема в стихотворении «Бессонница (Ночной момент)» 1873 года. Семантический комплекс пустоты/пустыни, с которым также ассоциативно связаны мотивы иссушения и жажды божественной благодати, отсылающие к сюжету пушкинского «Пророка», так или иначе присутствует в каждом из анализируемых стихотворений Тютчева, объединенных темой кризиса веры («сей храмины пустой», «безверием палим и иссушен», «летний жар и зной», «знойная мостовая»). Образ «пустыни городской» встраивается в этот ряд, однако в нем преобладающим становится не значение иссушения и зноя, а пустоты мира и одиночества лирического героя. Принципиально важно, что пространственным ориентиром, приковывающим взгляд субъекта лирического высказывания, являются церкви, золоченые главы которых озарены светом луны. Формируется пространственная вертикаль, которая имплицитно выражает связь земного мира с небесным, но вектор направленности взгляда лирического героя не дает надежды и не исцеляет от тоски. Наоборот: отраженный свет луны «пустынно бьет в недремлющие очи» [Тютчев, 2003, т. 2, с. 258]. Вновь возникающий мотив пустыни/пустоты указывает на невозможность богообщения и тотальное одиночество, заброшенность человека в мире (ср. образ сердца-«подкидыша»). Как отмечает С. В. Галян, сопоставляя две тютчевские «Бессонницы» 1829 и 1873 года, как в раннем, так и в позднем стихотворении тоска человека в мире, его сиротство связано с отпадением от Бога: «Подобно Люциферу, человек, взбунтовавшийся против Творца, будет покинут и одинок» [Галян, 2015, с. 86]. Молитва сердца в финале исполнена трагической нецелесообразности: она представляет собой отчаянное воззвание к абсолюту с просьбой о жизни и любви, но мир пуст и мольба тщетна, поэтому молитва переходит в стон умирающего, который постепенно затихает. Однако сомнения в целесообразности молитвы возникают далеко не во всех стихотворениях Ф. И. Тютчева, в частности в любовной и политической лирике представлена иная ситуация.

Связь молитвенной и любовной темы в лирике Тютчева не случайна, поскольку понимание поэтом сущности любви преемственно по отношению к религиозно-мистическому толкованию этого чувства в произведениях русского и зарубежного романтизма. Немецкий философ-романтик Ф. Баадер в работе «Тезисы философии Эроса» отмечает, что возможность любить другого человека была дана людям как прообраз божественной любви, явленной через пришествие в мир Христа [Баадер, 1987, с. 543–555].

Чаще всего в лирике Тютчева молитвенная тема связана с женским образом, например, в таких стихотворениях, как «Восток белел, ладья катилась...», «Как неразгаданная тайна...», «Накануне годовщины 4 августа 1864 года», «Когда на то нет божьего согласия...», «Есть и в моем страдальческом застое...», «Все отнял у меня казнящий Бог».

Женщина в лирике Тютчева обладает уникальной способностью молиться, в целом не характерной для представителей времени. Например, в стихотворении «Восток белел, ладья катилась...» молитва героини органично вписывается в гармонию универсума, а в финале достигается и слезное умиление, и безгрешное младенческое душевное состояние: «И по младенческим ланитам / Струились капли огневые...» [Тютчев, 2002, т. 1, с. 139].

Оригинальный вариант «галантной» молитвы представлен в стихотворении «Как неразгаданная тайна...». Это произведение посвящено императрице Марии Александровне, с которой поэт неоднократно встречался в Ницце в 1864 году и пользовался ее особым расположением. Женский образ, воплощенный в стихотворении, соединяет в себе земные и небесные черты, очарование и благодать, вызывая противоречие в чувствах лирического героя, душа которого хочет молиться ей, а «сердце рвется обожать».

Примечательно, что до трагического 1864 года, когда умерла возлюбленная поэта, Е. А. Денисьева, молитвенная ситуация целиком и полностью была закреплена за женским образом, в то время как, начиная с 1865 года, молитвенное слово становится присуще и лирическому герою,

примерами тому служат стихотворения «Когда на то нет Божьего согласия» (12 января 1865 года), «Есть и в моем страдальческом застое...» (март 1865 года), «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» (3 августа 1865 года). В указанных произведениях молитва, с одной стороны, дает возможность пережить утрату, а с другой, парадоксальным образом стать ближе к возлюбленной, принадлежащей сфере инобытия. Сближение осуществляется не только посредством воспоминания о любимой женщине, приобщения к ее ценностям, но и за счет ритуальной разомкнутости земного и небесного миров в ситуации поминальной молитвы.

В стихотворении «Когда на то нет Божьего согласия...» представлена молитва о душе, смыслом существования которой была любовь. Биографический контекст накладывает определенный отпечаток на восприятие этого и других произведений 1850–1860-х годов. Адресатом стихотворения является дочь поэта Дарья, страсть которой к Александру II была известна и обсуждалась в придворных кругах подобно отношениям Тютчева и Денисьевой. В одном из писем к дочери Тютчев упоминает, что именно она унаследовала от него «ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви» [Тютчев, 2004, т. 6, с. 77]. Примечательно, что в том же письме от 8 (20) сентября 1864 года поэт отмечает, что, читая слова, написанные Дарьей, он будто бы слышит голос умершей возлюбленной. Переживание утраты и сочувствие близкому человеку приводит к переосмыслению мотива роковой страсти: на первый план выходит подлинно христианское понимание любви как высшей цели человеческого существования. Новый смысл приобретает также мотив страдания: если в лирике 1850-х годов он был приближен к безвинному терзанию героев античных трагедий (например, в стихотворении «О, как убийственно мы любим...»), то после 1864 года ценностный смысл страдания души, состоящий не в приобретении счастья, но в возможности «выстрадать себя», оказывается очень близким к традициям христианской антропологии, которая подразумевает возможность превращения мученичества в искупление. Не случайно молитвенное слово в этом стихотворении апеллирует именно к божественному милосердию.

Оригинальный вариант модификации молитвенного слова представляет собой финал стихотворения «Есть и в моем страдальческом застое...». По форме и содержанию три последние строфы представляют собой «молитву о страдании» [Афанасьева, 2005, с. 187], которая начинается с парадоксальной просьбы не о прекращении мучений, а о даровании их: «О Господи, дай жгучего страданья / И мертвенность души моей рассей — / Ты взял ее, но муку вспоминанья, / Живую муку мне оставь по ней...» (выделено в оригинале. — А. К.) [Тютчев, 2003, т. 2, с. 137]. «Мертвенности души» может противостоять лишь «живая мука», поэтому моление о страдании свидетельствует о начале внутреннего преобразования лирического героя, для которого утрата любимого человека служит отправной точкой для появления религиозного чувства. Герой стремится приобщиться к ценностным установкам возлюбленной, которая обладала даром «страдать, молиться, верить и любить». Поэтому любовь побуждает к молитве Господу о страдании. Первоначальная безжизненность лирического героя преодолевается обращением к молитвенному слову, а утрата переосмысливается в границах вечности в ситуации посмертного воссоздания образа возлюбленной в памяти.

Другое стихотворение 1865 года, в котором актуализируется не только молитвенная проблематика, но и молитвенная архитекtonика — «Накануне годовщины 4 августа 1864 года». Композиционные особенности стихотворения (повтор в финале каждой из строф) и общее медитативное настроение способствуют ритуализации обращения к возлюбленной. В частности, Э. М. Афанасьева акцентирует молитвенную основу этого стихотворения, возводя второй стих («В тихом свете гаснущего дня...») к древнему светильничному гимну, «неизменно на протяжении многих лет входящему в состав вечернего Богослужения православной Церкви: “Свете тихий, святые славы...”. Это создает фон погружения в первосуть тихого света, дарующего успокоение и упование на лучшее в состоянии смиренной печали» [Афанасьева, 2021, с. 218]. Особенностью тютчевского осмысления молитвы является не только восприятие ее как способа духовного восхождения и приобщения к высшему миру, но и как сакрального слова, дарующего возможность приобщения к возлюбленной после ее смерти. Однако в данном случае упраздняется типичная для молитвенной архитектурной императивная формула: в стихотворении Тютчева просьбы нет, есть лишь вопрос, который на протяжении всего текста остается неразрешенным: «Друг мой милый, видишь ли меня?», «Ангел мой, ты видишь ли меня?» [Тютчев, 2003, т. 2, с. 149]. Мотив невозможности зрительного контакта свидетельствует о непреодолимой ценностной границе между миром лирического героя и сферой «ангела». В то же время молитва и попытка диалога с «ангелом» демонстрируют подлинно христианское отношение к смерти не как к полному уничтожению человека, а как к переходу души в жизнь вечную.

Одно из последних стихотворений, написанных Ф. И. Тютчевым во время предсмертной болезни, «Все отнял у меня казнящий Бог...», посвящено жене поэта — Эрнестине Тютчевой. Перечисление утрат лирического героя затрагивает такие значимые сферы, как здоровье, сила воли, воздух и сон. Лишение всего перечисленного делает жизнь фактически невозможной и воспринимается в стихотворении как наказание за грехи, которое прямо сигнализирует о необходимости молитвы и покаяния. Однако, помимо божественного наказания, в стихотворении явлена и Божественная милость — присутствие рядом любимой женщины дает лирическому герою надежду на спасение души, поскольку делает молитвенную ситуацию возможной: «Одну тебя при мне оставил Он, / Чтоб я Ему еще молиться мог» [Тютчев, 2003, т. 2, с. 251].

Особого внимания заслуживает молитвенная тема в политических стихотворениях Тютчева: «Свершается заслуженная кара...», «Ужасный сон отяготел над нами...», «12-ое апреля 1865», «Гус на костре».

Стихотворение «Свершается заслуженная кара...» обращено к папе римскому Пию IX, который известен, в частности, тем, что созвал Ватиканский собор, провозгласивший догмат о папской непогрешимости. Поэтому слова «А ты — ее носитель неповинный» [Тютчев, 2003, т. 2, с. 185] в данном случае следует воспринимать исключительно в ироническом смысле. Призыв к молитве противопоставлен идее непогрешимости, как и мотив пролития крови, оскверняющий седины папы. Папская власть в целом ряде произведений Тютчева осмысливается в контексте преступного нарушения христианских норм под прикрытием божественной воли. Так, в стихотворении «Гус на костре» образ понтифика характеризуется оксюморонным сочетанием «непогрешимости греховной», а молитвенная ситуация демонстрирует антагонизм образов Гуса и «римского иерарха»: во время казни великий праведник «молится — и голос не дрожит» [Там же, с. 216]. В данном случае представлена молитва, упраздняющая страх и боль, молитва страстотерпца, совершившего подвиг веры, отстаивающего «божью правду», которая становится очевидной на фоне лжи и искажения божественной истины Римской католической церковью, придающих католицизму заведомо еретический смысл. Интересно, что Гус в стихотворении «Гус на костре» молится, в то время как молитвы папы в стихотворении «Свершается заслуженная кара...» нет («непогрешимому» папе, в отличие от праведника Гуса, чужда молитва), однако присутствует молитва о его спасении, несмотря на тяжесть тысячелетнего греха, и отрезвении от лжи: «Спаси тебя Господь и отрезви». Согласно тютчевской историософской концепции, изложенной в статье «Римский вопрос» и отраженной в политических стихотворениях, папа должен отказаться от борьбы за власть, осознать, что вторжение гарибальдийцев в Папскую область — божественное наказание за его грехи, и в молитве спасти свою душу.

Молитвенная тема в политических стихотворениях Тютчева сопряжена также с мотивами единения и разобщения. Так, вражда людей в стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...» связана с мотивом искажения слова, являющегося прямым источником лжи и разъединения народов: отсюда такие антитетические сочетания, как «притон разбойничий в дому молитвы», «распятие и нож», «божья правда» и «людская кривда». Религиозный конфликт обостряет проблему ложного слова, которая начинает принимать уже не только общественно-политическое, но и космическое значение, связанное с историософской концепцией «Москва — третий Рим». Значение Руси как последнего государства, озаренного светом божественной истины, показано на фоне жесточайшего ополчения против нее, которое она должна преодолеть, чтобы, пройдя через все испытания, стать оплотом истины, веры, объединения и мира.

Мотив соборной молитвы возникает также в стихотворении «12-ое апреля 1865», посвященном событию смерти царевича и наследника русского престола Николая Александровича. Трагическое событие, затрагивающее судьбу целой страны, разрешается посредством ситуации последней молитвы цесаревича, претерпевшего муки до конца, в которой соединяется голос умирающего и все русские сердца. Таким образом, молитва становится источником единения народа в трагическую минуту и примирения перед лицом смерти.

Заключение

Анализ функционирования молитвенной темы в лирике Тютчева показывает, что ее появление нередко сопровождается размышлениями о целесообразности произнесения сакрального слова или оборачивается шутливо-иронической модификацией молитвы. Свою подлинную сакральную сущность молитва демонстрирует в любовной и политической лирике. Молитвенное слово в художественном мире Тютчева полноценно реализуется тогда, когда дает возможность преодолеть одиночество и выйти на уровень взаимодействия с другим человеком (возлюбленной) или народом в ситуации соборной, всеобщей молитвы. В политических стихотворениях

переживание кризиса веры и болезненного состояния души преодолевается в размышлениях о судьбе страны и мира, имеющих историософский характер, а в любовной лирике приобщение к молитвенному слову непосредственно связано с женским образом. Специфическим вариантом освоения молитвенного слова в лирике Тютчева является произнесенная молитва, которая, не имея вербального воплощения, вместе с тем обретает уникальное внесловесное бытие в художественном мире поэта.

Список источников

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX в. — М. : Пашков дом, 2011. — 384 с.
2. Афанасьева Э. М. Имя возлюбленной и молитвенный дискурс в творчестве Ф. И. Тютчева и А. И. Куприна // Женские образы в русской культуре. — Кемерово : Изд-во КемГУ, 2001. — С. 16–24.
3. Афанасьева Э. М. Молитвенная лирика Ф. И. Тютчева // Духовные начала русского искусства и образования. — В. Новгород : НГУ, 2005. — С. 182–190.
4. Афанасьева Э. М. Молитвенная лирика русских поэтов. — М. : Изд. дом ЯСК, 2021. — 280 с.
5. Баадер Ф. Тезисы философии Эроса // Эстетика немецких романтиков. — М., 1987. — С. 543–555.
6. Берковский Н. Я. О русской литературе. — Л. : Худож. лит., 1985. — 384 с.
7. Галян С. В. Анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Бессонница» (1829 г.) в аспекте культурных традиций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2015. — № 6 (39). — С. 83–89.
8. Дунаев М. М. На пороге двойного бытия. Лирика Ф. И. Тютчева 1850-х — начала 1870-х годов // Федор Иванович Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия. — М. : Пашков дом, 2006. — С. 72–107.
9. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XIX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1994. — С. 5–11.
10. Зырянов О. В. Онтология поэтических систем (Пушкин — Тютчев — Лермонтов) и христианская картина мира // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2007. — С. 119–149.
11. Калашникова А. Л. «Душевный микрокосм» в художественном мире Ф. И. Тютчева: «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней...» // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 1. — С. 163–167.
12. Косяков Г. В. Мотив полета души в лирике М. Ю. Лермонтова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 6–12.
13. Левин Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева // Тютчевский сборник. — Таллинн : Ээсти раамат, 1990. — С. 142–206.
14. Перевалова О. А. «Пародийная молитва» в творчестве русских поэтов XIX в. // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: студенческий взгляд. — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — С. 461–466.
15. Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — 376 с.
16. Тарасов Б. Н. Земное и небесное в творчестве Ф. И. Тютчева (Антиномии бытия и сознания в свете христианской онтологии Блеза Паскаля) // Ф. И. Тютчев и православие. — М. : К единству!, 2005. — С. 7–69.
17. Тарасов Б. Н. «Недостатки охранителей обращаются в оружие разрушителей...» («Тайна человека» и «Письмо о цензуре в России» Ф. И. Тютчева) // Наш современник. — 2006. — № 7. — С. 254–273.
18. Тарасов Б. Н. Христианские основы творчества Ф. И. Тютчева // Слово.ru: Балтийский акцент. — 2015. — Т. 6, № 4. — С. 74–90.
19. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. — М. : Классика, 2002–2004. — Т. 1. — 2002. — 525 с. ; Т. 2. — 2003. — 637 с. ; Т. 3. — 2003. — 525 с. ; Т. 6. — 2004. — 590 с.

References

1. Anoshkina-Kasatkina V. N. *Pravoslavnye osnovy russkoj literatury XIX veka* [Orthodox Foundation of Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, Pashkov House Publ., 2011, 384 p. (in Russian).
2. Afanas'eva Je. M. The Name of a Loved One and Prayers in F. I. Tjutchev's and A. I. Kuprin's Works. *Zhenskie obrazy v russkoj kul'ture* [Female Images in Russian Culture]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2001, pp. 16–24. (in Russian).
3. Afanas'eva Je. M. F. I. Tjutchev's Prayer Poems. *Duhovnye nachala russkogo iskusstva i obrazovanija* [Spiritual Basis of Russian Art and Education]. Veliky Novgorod, Novgorod State University Publ., 2005, pp. 182–190. (in Russian).
4. Afanas'eva Je. M. *Molitvennaja lirika russkih pojetov* [Russian Poets' Prayer Poems]. Moscow, JaSK Publ., 2021, 280 p. (in Russian).
5. Baader F. The Thesis of the Philosophy of Eros. *Jestetika nemeckih romantikov* [The Aesthetics of German Romanticists]. Moscow, 1987, pp. 543–555. (in Russian).

6. Berkovskij N. Ja. *O russkoj literature* [About Russian Literature]. Leningrad, Belle Lettres Publ., 1985, 384 p. (in Russian).
7. Galjan S. V. The Analysis of F. I. Tjutchev's Poem "Insomnia" (1829) through the Prism of Cultural Traditions. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2015, no. 6 (39), pp. 83–89. (in Russian).
8. Dunaev M. M. At the Threshold of Dual Existence. F. I. Tjutchev's Poems of the 1850s — Early 1870s. *Fedor Ivanovich Tjutchev. Problemy tvorčestva i jestetičeskoj žizni nasledija* [Fedor Ivanovich Tjutchev. Problems of Work and Aesthetics in People's Life]. Moscow, Pashkov House Publ., 2006, pp. 72–107.
9. Zaharov V. N. Russian Literature and Christianity. *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XIX vekov: citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, žanr* [Gospel Text in Russian Literature of the 18th–19th Centuries: Quotations, Reminiscences, Motif, Plots Genres]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 5–11. (in Russian).
10. Zyrjanov O. V. Poetic Ontology (Pushkin — Tjutchev — Lermontov) and Christian Picture of the World. *Klassičeskaja slovesnost' i religioznyj diskurs (problemy aksiologii i pojetiki)* [Classical Words and Religious Discourse Problems of Axiology and Poetics]. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2007, pp. 119–149. (in Russian).
11. Kalashnikova A. L. "Spiritual Microcosms in F. I. Tjutchev's Silentium" and "The Spirit and the Elizeum Shaddos. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State Pedagogical University]. 2012, no. 1, pp. 163–167. (in Russian).
12. Kosjakov G. V. The Motif of Soul Flying in M. Ju. Lermontov's Poetry. *Nauka o čeloveke: gumanitarnye issledovanija* [History of Man. Humanitarian Research]. 2020, vol. 14, no. 2, pp. 6–12. (in Russian).
13. Levin Ju. I. Invariant Plots in Tjutchev's Poems. *Tjutchevskij sbornik* [Tjutchev Collection]. Talin. Jejesti raamat Publ., 1990, pp. 142–206. (in Russian).
14. Perevalova O. A. Parody Prayer in the Works of Russian Poets of the 19th. *Aktual'nye voprosy filologičeskoj nauki XXI veka: studenčeskij vzgljad* [Relevant Issues of [Relevant Issues of Philology. Yekaterinburg, UrFU Publ., 2012, pp. 461–466. (in Russian).
15. Pigarev K. V. *Žizn' i tvorčestvo Tjutčeva* [Tjutchev's Life and Work]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1962, 376 p. (in Russian).
16. Tarasov B. N. The Earthly and the Celestial in F. I. Tjutchev's Works. The Antimony of Being and Consciousness through the Prism of Christian Othology of Blez Paskal. *F. I. Tjutchev i pravoslavie [F. I. Tjutchev and Orthodox Christianity]*. Moscow, To e Unity Publ., 2005, pp. 7–69. (in Russian).
17. Tarasov B. N. "Wardens' faults become criminals' tools..." (F. I. Tjutchev's "Human Mystery", "A Letter about Censorship in Russia. *Nash sovremennik* [Our Contemporary]. 2006, no. 7, pp. 254–273. (in Russian).
18. Tarasov B. N. Christian Basis of F. I. Tjutchev. *Slovo.ru: Baltijskij akcent* [Word.ru. Baltic Accent]. 2015, vol. 6, no. 4, pp. 74–90. (in Russian).
19. Tjutchev F. I. *Polnoe sobranie sočinenij i pisem* [Complete Collection of Letters and Essays]. Moscow, Classics Publ., 2002–2004, vol. 1, 2002, 525 p. , vol. 2, 2003, 637 p. , vol. 3, 2003, 525 p. , vol. 6, 2004, 590 p. (in Russian).

Информация об авторе

Калашникова Анна Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета.

Сфера научных интересов: русская литература, лирика XIX века, творчество Ф. И. Тютчева.

Information about the author

Kalashnikova Anna Leonidovna — Candidate of Philology, Associate professor of department of journalism and Russian literature of the 20th century at Kemerovo State University.

Research interests: Russian literature, lyrics of the XIX century, the literary work of F. I. Tyutchev.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 13.03.2022; принята к публикации 20.03.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 13.03.2022; accepted for publication 20.03.2022.